

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Д73

Издание подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН по Отделению историко-филологических наук «Общественный потенциал истории», направление: «Историческое сознание и общество»

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 02-01-16155

Издательство благодарит за содействие в выпуске книги Институт практического востоковедения (г. Москва)

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор),
кандидат исторических наук *Г.В. Глазырина*,
кандидат исторических наук *Н.Г. Коновалова* (ответственный секретарь),
кандидат филологических наук *В.И. Матузова*,
доктор исторических наук *А.В. Назаренко*, доктор исторических наук *А.В. Подосинов*,
доктор исторических наук *Л.В. Столярова*, доктор исторических наук *И.С. Чичуров*,
член-корреспондент РАН *Я.Н. Щапов*

Ответственный секретарь тома
кандидат исторических наук *С.Л. Никольский*

Д73 **Древнейшие государства Восточной Европы : 2001 год : Историческая память и формы ее воплощения / Отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. — М. : Вост. лит., 2003. — 399 с. — ISBN 5-02-018330-X (в пер.).**

Настоящий том ежегодника посвящен важной как в теоретическом, так и в историко-научном плане проблеме особенностей и форм воплощения исторической памяти в античной и раннесредневековой культурах. Особое внимание уделяется использованию и преобразованию исторической памяти при создании первых национальных «историй» европейских народов. Исследуются различные формы исторической памяти восточных славян, отражавшейся в исторических преданиях различных типов, в древнерусском историописании, агнографии и других памятниках письменности. Предлагается широкое сопоставление древнерусского материала с англосаксонским, скандинавским, восточным и др.

ББК 63.3(4)

ТП-2003-П-181
ISBN 5-02-018330-X

© Е.А. Мельникова, составление, 2003
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отражение прошлого в различных культурах и в разнообразных вербальных и материальных формах принадлежит к числу тех проблем, на которые каждое новое поколение историков пытается дать свой ответ. По мере осознания невозможности воссоздать «объективную» историю из-за пропасти, лежащей между источником и исследователем, естественным стало стремление как можно глубже понять специфику восприятия человеком своего прошлого и механизмы его репрезентации в разных культурах. Одним из феноменов, теснейшим образом связанных с передачей исторической информации и позволяющих осветить по крайней мере некоторые стороны осознания, сохранения и отображения прошлого, является историческая память.

Понятие исторической памяти, равно как и ее изучение в качестве одного из компонентов коллективной памяти, а также соотношение памяти и истории в целом, в последние десятилетия исследуются чрезвычайно широко и в теоретическом плане, и на материале отдельных культурных традиций¹. Не всегда однозначно понимаемое исследователями, это понятие — если суммировать высказывавшиеся точки зрения — обозначает совокупность относительно устойчиво сохраняемых на протяжении двух или более поколений знаний и представлений о коллективном прошлом определенного социума.

Выдвижение на первый план социальной функции исторической памяти связано с ее первостепенной ролью в консолидации и самоидентификации любого коллектива наряду с такими явлениями, как язык, верования, материальная культура и др. Представления о единстве происхождения (этно- и социогенетические легенды) и общности прошлого всех членов данного социума обуславливают его цельность и жизнеспособность. Общественная ценность исторической памяти признается не только современными исследователями²: она в полной

¹ Проблема коллективной памяти была поставлена еще в работах М. Блока (*Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. на рус. яз. под ред. А.Я. Гуревича. М., 1973; впервые издана в 1961 г.*), а затем разрабатывалась многими исследователями. См.: *Nora P. Entre mémoire et histoire // Les lieux de mémoire. P., 1984*, а также историографические обзоры, материалы и исследования в кн.: *Анналы на рубеже веков. Антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич. Сост. С.И. Лучицкая. М., 2002; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Л.П. Ретина. М., 2003.*

² *Finnegan R. Oral Poetry. Its Nature, Significance and Social Context. Cambridge, 1977; Vansina J. Oral Tradition as History. L., 1985.*

мере осознавалась и самими ее носителями, что проявлялось в уважении, которое общество оказывало знатокам традиции. Как правило, в древних и средневековых обществах они занимали привилегированное положение, получали богатые дары. Так общество отмечало принципиально важное значение сохранения и передачи исторической памяти.

Вместе с тем историческая память поддерживалась лишь в той ее части, которая была насущно необходима в настоящем. Она актуализировала те моменты истории, права, миропонимания, которые были важны во время ее воспроизведения³. И это обуславливало фрагментарность и избирательность исторической памяти. Она отбирала и консервировала лишь отдельные, крайне немногочисленные факты (имена, события, географические названия и т.п.) прошлого, причем принципы отбора этих событий нередко неясны: незначительное — с точки зрения современного историка — происшествие (например, битва в Ронсевальском ущелье или поход князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г.⁴) могло отложиться в исторической памяти, тогда как более «значительные» события не оставляли в ней ни малейшего следа.

Сохранение исторической памяти предполагало также ее одобрение сообществом, что делало ее хранилищем социальных и этических ценностей, предлагая поведенческие «стандарты», материализуемые в изображении конкретных персонажей или событий. Воспроизведением определенного эпизода прошлого подтверждались нравственные нормы, которые сложились в данном коллективе и считались обязательными для всех его членов. Тем самым историческая память выполняла важную для жизнедеятельности социума морально-этическую функцию. При этом, поскольку каждый член группы разделял запечатленную в ней систему коллективных ценностей, она также способствовала формированию социальной и культурной цельности коллектива.

Если отмеченные особенности исторической памяти присущи ей как явлению коллективного сознания в целом, то другие ее свойства определяются культурным типом общества — ее носителя: бесписьменного (или обладающего письменностью в ограниченных пределах) или письменного.

Принципиальное различие между мышлением и способами его выражения в устных культурах, т.е. не создавших или не воспринявших извне письмо, и в культурах с глубоко укоренившейся письменностью

³ Определяющая роль настоящего для реконструирования прошлого отмечается и для современных, «живых» традиций (*Штырков С.А.* Конструирование коллективной исторической памяти в локальной традиции: возможный подход к построению интерпретационной модели // Староладожский сборник. Материалы I–V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994–1998. СПб.: Старая Ладога, 1998. С. 126–133).

⁴ *Горский А.А.* События 1185 и 1380 гг.: восприятие современников и восприятие потомков // ВЕДС. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 67–71.

было осознано лишь несколько десятилетий назад⁵. Ныне широко признано, что знание, возникшее в эпоху господства (или широкого распространения) грамотности, имеет принципиально иную структуру, нежели знание, передаваемое устно. Различными в бесписьменных и письменных обществах являются также представления о мире, о времени, об историческом прошлом. Сопоставление и противопоставление устной и письменной культур выявило, кроме того, кардинальные различия в способах формирования, сохранения и воспроизведения исторической памяти, отличия в ее моделировании и функционировании в обществе.

Многообразны и несходны в обоих типах культур и формы воплощения — как вербальные, так и материальные — исторической памяти. Во-первых, в дописьменном обществе она запечатлевается в устной традиции и потому вся информация о прошлом должна быть меморизирована и сохраняется только в памяти носителя традиции. Именно поэтому объем знаний о прошлом и глубина исторической памяти в них несравненно более ограничены, нежели в письменных. Так, исследователи современных бесписьменных культур отмечают относительную достоверность передачи сведений о прошлом на глубину в три поколения⁶. События и лица, имевшие место ранее, постепенно теряют индивидуальные характеристики, контаминируются с более поздними; наконец — по мере увеличения дистанции между ними и современностью, — мифологизируются. Вместе с тем известны и случаи чрезвычайно длительного, в течение нескольких столетий, сохранения устной исторической традиции. Так, в раннесредневековой Исландии сведения о заселении острова и первых поселенцах (870-е годы) передавались устно на протяжении 250 лет, пока они не были записаны первыми исландскими историографами (первая четверть XII в.).

Во-вторых, передача устной традиции во многом зависит от используемых мнемонических средств. Они могут иметь материальные формы (как, например, индейские кипу) или собственно языковые формы. Наиболее надежной, как было установлено, являлась мнемотехника, основанная на ритмике языка, и потому большая часть устной традиции — в том числе исторической — облечена в поэтическую форму. Другим важнейшим способом меморизации был специфический «формульный» язык с ограниченным числом метрических, синтаксических и семантических моделей, которые соединяются в соответствии с со-

⁵ *Literacy in Traditional Societies / J. Goody*, Cambridge, 1968; *Stock B.* Implications of Literacy. Written Languages and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, 1983; *The Uses of Literacy in Early Medieval Europe / R. McKitterick*, Cambridge, 1990; *Vox intexta: Orality and Textuality in the Middle Ages / J. Clayton, E. Rothstein*, Madison, L., 1991.

⁶ *Vansina L.* Oral Tradition.

бой грамматикой текста⁷. Система устных формул, устойчивых словосочетаний для описания определенных ситуаций, впервые опознанная и изученная М. Пэрри и А. Лордом⁸, позволяла сказителю воспроизводить (точнее — воссоздавать при каждом новом исполнении) традиционный текст с кажущейся точностью.

В-третьих, различие факта и вымысла, истории и мифа⁹ было значительно менее определено для дописьменного человека, потому что все знания о прошлом, достоверные и вымышленные в равной степени, он получал от своих современников одним и тем же, устным путем. Он почти не имел средств для верификации сообщенных ему сведений. При наличии двух или более противоречивых версий события ему было трудно установить справедливость одной и ложность другой, и выбор между ними был в значительной степени субъективным¹⁰.

В-четвертых, факт прошлого, зафиксированный в памяти, всегда находится под жестким давлением потребностей настоящего: носитель устной традиции воспроизводит его для своих современников только тогда, когда в этом возникает необходимость. Память автоматически видоизменяет запомненное, адаптируя его к условиям того момента, когда оно воспроизводится, или устраняет его совершенно, если оно более не нужно. Старый закон, героический предок, военная победа, о которых рассказывает носитель традиции, с неизбежностью и, как правило, неосознанно для самого рассказчика будут приспособлены к потребностям и интеллектуальным возможностям его слушателей, но при этом будут восприниматься как объективная правда. Устная традиция может быть описана как сообщение из прошлого, которое актуально и значимо в момент ее воспроизведения¹¹.

Устойчивость устной традиции в подавляющем большинстве случаев лишь кажущаяся, так как сколько-нибудь длительное ее сохранение в неизменном виде сделало бы ее непонятной как для слушате-

⁷ Patterns in Oral Literature / H. Janson, D. Segal. P., 1977.

⁸ Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. I-II // Harvard Studies in Classic Philology. 1930, 1932. Vol. XLI, XLIII; Lord A. The Singer of Tales. Cambridge (Mass.), 1960. См. также: Путилов В. Н. Эпическое сказительство. Типология и этническая специфика. М., 1997.

⁹ Именно эта невозможность расчленения «правды» и «вымысла» легла в основу предложенного М. И. Стеблин-Каменским понятия «синкретическая правда» (Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. М., 1984). См. также: Beer J. V. A. Narrative Conventions of Truth in the Middle Ages. Genève, 1981 (Études de philologie et histoire. 38).

¹⁰ Как правило, главным средством верификации служило обращение к авторитету «мудрых людей» (ср., например, уже в письменную эпоху аргументацию Снорри Стурлусона: «И хотя сами мы не знаем, правда ли эти рассказы [о прошлом. — Е. М.], но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой», и далее он перечисляет этих «мудрых людей». — Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 10).

¹¹ Finnegan R. Oral Poetry.

лей, так и для самого сказителя. Не случайно наиболее устойчивый, по общему мнению, вид древнескандинавской устной традиции — поэзия скальдов, не поддающаяся изменениям в силу чрезвычайной сложности поэтической формы, уже в начале XIII в. нуждалась в разъяснениях. В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусон не только описывает метрику скальдических стихов — в духе средневековых поэтик, но и поясняет поэтический язык скальдов¹². Медленность и неочевидность, с которой происходят изменения, равно как и отсутствие возможности верифицировать сообщение, создают впечатление стабильности устной традиции.

Наконец, главным условием существования исторической памяти в бесписьменных обществах было ее постоянное воспроизведение — в ходе ритуальных действий, на собраниях членов социума, на пирах и т. п. Только в процессе исполнения (performance) меморизированные знания о прошлом актуализировались и становились достоянием всех членов общества. Тогда же происходили и значительные изменения в содержании и интерпретации материала: сказитель не мог не реагировать на запросы и интересы своих слушателей, варьируя свое повествование. Кроме того, важными составляющими исполнения были внеязыковые и внетекстовые факторы: интонация, мимика, жестикация, во многих случаях — музыкальное сопровождение.

Жанровое разнообразие памятников устной словесности чрезвычайно велико, и все они в большей или меньшей степени опираются на историческую память и воспроизводят ее отдельные сегменты. Так, например, пословицы обобщают бытовой опыт коллектива, но подчас восходят к припоминаниям исторических событий (таковы, например, пословицы, приводимые древнерусским летописцем: «погибоша аки обре» или «беда аки в Родне»¹³). Ряд же устно-традиционных жанров был непосредственно ориентирован на воспроизведение исторической памяти. К таким жанрам принадлежат генеалогии, героический эпос, исторические песни и предания. Исторический прецедент составлял основу обычного права, которое поэтому в значительной степени отражало — пусть и в косвенной форме — воспоминания о прошлом.

Дописьменные исторические традиции европейских народов, за редким исключением¹⁴, дошли до нас в составе текстов, возникших в эпоху если не господства, то, во всяком случае, широкого распространения письменной культуры. В первую очередь, это произведения историографического характера. Однако с введением в обществе письменности как формы отображения исторических знаний и представле-

¹² Снорри Стурлусон. Младшая Эдда / Изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970.

¹³ ПВЛ. С. 10, 36 (под 980 г.) и др.

¹⁴ Живые устные традиции, в том числе исторические песни и былины, сохранились в Европе в XX в. в Финляндии, Югославии, на Русском Севере.

ний, так и сами эти знания и представления кардинально менялись. Возможность письменной — «на века», не подверженной постоянным и нераспознаваемым изменениям — фиксации событий прошлого создавала условия для длительного и на первый взгляд точного сохранения исторической памяти.

Вместе с тем далеко не весь объем имевшейся к моменту записи устной истории был необходим в новых условиях. Поэтому происходил жесткий отбор событий и персонажей, повествования о которых получали отражение в письменных текстах.

Еще более существенным было переосмысление устного наследия. К большинству народов средневековой Европы письменность приходила одновременно с христианской культурой и как часть ее. Христианство же с момента своего возникновения располагало собственной историософией и собственной историей. Циклическому времени язычества большинства народов Европы оно противопоставляло линейный временной ряд от Сотворения мира. Бесконечному времени, возобновляющемуся в каждом новом цикле, — абсолютную конечность мира при наступлении Судного дня. Прошлому как последовательности событий, подчас не связанных причинно-следственными связями, — историю поступательного развития человечества от его возникновения к обращению в христианство. Истории одного социума — историю человечества, в которой этнокультурные различия уступали место конфессиональному единству.

Использование исторической памяти дописьменной эпохи в письменную, таким образом, требовало ее переосмысления и перекодирования в терминах нового мировосприятия и мироописания.

Публикуемые в этом томе статьи посвящены в первую очередь обсуждению форм и способов воплощения исторической памяти в текстах, принадлежащих разным жанрам, возникших в различных регионах античного и средневекового миров и отражающих несхожие культурные условия. Большинство этих текстов роднит то, что они стоят на грани между устной и письменной традициями: созданные в обществах, где уже широко распространилась письменная культура, они восходят или опираются в существенных своих особенностях на устную традицию. Особый интерес для авторов данного тома представляли принципы адаптации, т.е. отбора и переработки, дописьменного наследия в произведениях письменной культуры. Второй важнейшей задачей являлось осмысление специфики актуализации исторической памяти в различных жанрах словесности и в различных сферах общественного сознания. Наконец, третий поставленный в статьях данного тома вопрос касался путей формирования исторической памяти.

Е.А. Мельникова

В.А. Арутюнова-Фиданян

РОДОВОЕ ПРЕДАНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: «ВТОРИЧНЫЙ» ЭПОС

Феномен «золотого века» — небывалый взлет армянской словесности непосредственно вслед за изобретением алфавита — объясняется прежде всего существованием в течение веков огромной устной литературы (мифы, эпосы «Випасанк» и «Персидская война», исторические сказания и т.п.). Циклы устных преданий столетиями бытовали в Армении и совершенствовались трудами профессиональных сказителей — гусанов и виласанов.

Армянские средневековые историографы постоянно и органично вплетают в ткань повествования эпос, мифы, легенды, исторические песни и родовые предания. Круг сюжетов, заимствованных из устной традиции, особенно обширный в раннесредневековой армянской литературе, постепенно сужается к X–XI вв. (краткие пассажи в трудах авторов, пишущих историю Армении от «начала времен»).

Наиболее значимы в армянской историографии социознотологические легенды, а также сказания о борьбе с иноземцами и иноверцами. Так, война между Ираном и Арменией, которая с перерывами продолжалась с первой четверти III в. и до середины VII в., составляет содержание и армянского эпоса, и армянской историографии, а ее начало связывается с возникновением новых аристократических родов: персидской династии Сасанидов и нахарарского дома Мамиконянов. И устная и письменная традиции уравнивают Мамиконянов не только с царским домом Ирана, но и с армянской правящей династией. Царь Пап, по Фавстосу Бузанду, считал, что спарапет Мушег Мамиконян — «человек, который происхождением так же благороден, как мы, и его предки так же были благородны, как наши предки; его предки оставили царство ченов и приехали к нам, и жили и умирали за наших предков; и отец его умер за моего отца, и сам он верно служил нам...»¹.

¹ Фавстос Бузанд. История Армении. Вена, 1910–1911. С. 154 (на др.-арм. яз.).